

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	7
СТАТЬЯ НОМЕРА	
<i>Krastev I.</i> They the People (англ. яз.).....	9
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	
<i>Евстифеев Р.В.</i> Развитие российской политической науки в разрезе регионов: опыт наукометрического анализа	40
<i>Барандова Т.Л.</i> Анализ визуальной коммуникации уполномоченных по правам человека в регионах России	51
<i>Полозова Е.А., Григорьев И.С.</i> Российские региональные политические режимы в 1998–2002 гг.: последствия реформы законодательства о банкротстве и акционерных обществах	69
<i>Шашкова Я.Ю.</i> Влияние новелл партийно-электорального законодательства на формирование legislatur регионов Западной Сибири в 2010-е гг.	86
<i>Козлова Н.Н.</i> Женщины в публичной политике. На материалах региональных парламентов Северо-Кавказского федерального округа	94
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ	
<i>Балаян А.А., Томин Л.В.</i> Политические сети. От метафоры к концепту	112
<i>Беляев В.А.</i> Логика модерна и объяснение в политической теории	126
<i>Линде А.Н.</i> Преодоление негативного влияния кибернетико-системного государственного управления в критической теории общества Ю. Хабермаса	145

ОБЗОРЫ

Сунгуров А.Ю. Симпозиум «Российские реформы» 162

Деменчиков Э.В. Демократия в рецессии? 9-й Конгресс
Латиноамериканской ассоциации политической
науки в Монтевидео (26–28 июля 2017 г.) 169

РЕЦЕНЗИИ

*Акопов С.В.,
Коваленко В.С.* Восемь проблем изучения политической истории:
рецензия на книгу С.О. Курбанова «Размышления
об исторической науке и роли личности в истории.
С примерами из истории Кореи»
(СПб.: Изд-во РХГА, 2016) 180

Полозова Елена, Григорьев Иван

Российские региональные политические режимы в 1998–2002 гг.: последствия реформы законодательства о банкротстве и акционерных обществах¹

Полозова

*Елена Александровна,
магистрант Европейского
университета
в Санкт-Петербурге.*

*Для связи с автором:
epolozova@eu.spb.ru*

Григорьев

*Иван Сергеевич,
старший преподаватель
Департамента прикладной
политологии НИУ ВШЭ –
Санкт-Петербург.*

*Для связи с автором:
igrigoriev@hse.ru*

Аннотация

В разных регионах России установились довольно разные политические режимы. Природа этих различий во многом уже изучена. Тем не менее один из значимых аспектов данной проблемы – а именно, влияние на региональную режимную вариацию масштабного перераспределения собственности, произошедшего в России в 1998–2002 гг., – пока что избегал внимания исследователей. Мы восполняем этот пробел, конструируя базу данных о политических и экономических характеристиках российских регионов и исследуя на полученном материале связь между подверженностью регионов экспансии федерального бизнеса в период 1998–2002 гг. и политическими режимами, сложившимися в этих регионах впоследствии. Приход в регионы московских финансово-промышленных групп оказывается значимым предиктором последующей смены губернатора и демократизации регионального политического режима

Ключевые слова: региональные режимы в России, бизнес и власть, банкротство, закон об акционерных обществах

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 16-05-0059) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств в субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ

Polozova E. A., Grigoriev I. S.

Regional political regimes in Russia in 1998–2002: what difference did the bankruptcy and joint-stock company regulation reform make?

Abstract

Russian regional political regimes are vastly different. The origins of this variation have already been extensively studied. However, one aspect of this problem remained almost completely untouched in the literature, namely the impact of the 1998–2002 redistribution of the business property in the regions spurred by the 1995–1998 bankruptcy and joint-stock company regulation reforms. We address this issue by constructing a dataset covering a number of political and business-related characteristics of the Russian regions. We analyze the data to establish to what extent the regional susceptibility to the entry of the Moscow-based capital in the late 1990s influenced the regime dynamics afterwards. Entry of the national business groups into the regions is found to be a strong predictor both of the gubernatorial changeover and the higher level of democracy in the regions

Keywords: regional regimes in Russia, state-business relations, bankruptcies, joint-stock company regulation

Введение

Управление в Российской Федерации осуществляется за счет деления территории на 85 субъектов и наличия трех уровней власти: федерального, регионального и муниципального. Каждый регион в свою очередь обладает собственными географическими и демографическими характеристиками, которые оказывают воздействие на экономическую и политическую жизнь субъектов Федерации. Конституция Российской Федерации закрепляет одинаковый правовой статус субъектов. Так, региональные законодательные органы имеют право принимать свои законы и иные нормативно-правовые акты. Субъектам также разрешено иметь свои конституции и уставы. Однако, несмотря на равное правовое положение, управление и деятельность в регионах различаются.

Различаются, в частности, и региональные политические режимы. Именно региональные режимные характеристики лежат в фокусе данного исследования. Интересующим нас временным отрезком будет являться период с 1998 по 2002 г., когда, как мы показываем ниже, Россия пережила глубинное экономическое переустройство: можно сказать, что в ходе консолидации региональных экономических активов в руках федеральных бизнес-групп в России в этот период складывался единый рынок [Gluschenko 2003; Gluschenko 2006; Berkowitz and DeJong 2001]. Между тем открытым остается вопрос о том, какое влияние данный процесс оказал на политику внутри регионов – и в частности, на региональные политические режимы.

В данной статье мы даем ответ на этот вопрос. Для этого мы изучаем то, как вариация в подверженности отдельных регионов экспансии федерального бизнеса в период 1998–2002 гг. сказалась на сложившихся в регионах политических режимах. Для этого мы собираем базу данных, позволяющих ответить на данный вопрос с использованием статистического инструментария. Точной датировкой отмеченный период обязан принятию в 1998 г. нового законодательства о банкротствах, которое, как мы описываем ниже, стало ключевым инструментом пересмотра итогов первой волны приватизации в регионах и отъема доставшейся региональным экономическим агентам собственности в пользу федеральных бизнес-групп.

Региональные режимы: от теории к практике

Изучению региональных политических режимов в России способствовали события начала 1990-х гг.: распад советской системы и строительство новой, рыночной. Реформировалась не только экономика, но и политическое устройство: Конституция РФ 1993 г. закрепила основные принципы государственного функционирования. В отношении региональной структуры Конституция установила деление территории на восемьдесят

девять субъектов. Несмотря на одинаковый правовой статус административно-территориальных единиц, управление в регионах различалось ввиду экономических, социальных и политических особенностей. В результате Россия 1990-х гг. представляла собой «яркий пример расколотого политического пространства, на котором складывались автономные режимы, развивавшиеся в разных направлениях» [Баранов 2012: 63].

Ведутся споры о том, что представляет собой региональный политический режим. В процессе изучения региональных режимов различные авторы создают классификации, формируя ряд критериев для оценки и формализации структуры режимов. Так, одной из базовых классификационных схем является методологическая рамка М. Шугарта и Дж. Кэри, где за основу взяты критерии, связанные с «контролем ассамблеи или главы региона над кабинетом, а также возможностью сосуществования ассамблеи и кабинета в условиях взаимного недоверия» [Гайворонский 2015: 22]. Еще одну попытку создать более гибкий метод изучения режимов предприняли в своем исследовании А. Кузьмин, Н. Дж. Мелвин и В. Нечаев, поставившие в центр политическую конкуренцию между властью и оппозицией. Впрочем, как отмечает Ю. Гайворонский, сами концепции, связанные с процессами демократизации, для описания и изучения региональных политических режимов в России могут быть не вполне применимы, так как уже с начала 1990-х региональные режимы не были демократическими [Гайворонский 2015: 22]. В то же время некоторые авторы продолжают мыслить режимы в дихотомии понятий. Так, Р. Туровский наряду с уже обсуждавшимся делением «демократия – авторитаризм» предложил использовать шкалы «консолидация – конкуренция» и «автономия – зависимость». С. Маззука также строит парные модели: «авторитаризм – демократия» и «патримониализм – бюрократия» [Гайворонский 2015: 24].

Определение политического режима по характеристикам, затрагивающим власть во всех ее проявлениях: законодательной, губернаторской, выборов, отношения с центром и т. д., является отдельным пластом исследований. Оно определяет набор лучших критериев, которые могут быть учтены при формировании индексов демократичности, авторитарности, зависимости и т. д. Впрочем, важной исследовательской задачей остается определение факторов, обусловивших различия в развитии режимов, установившихся в российских регионах.

Изучение политических режимов нельзя представить без знания событий, которые дают основания мыслить в определенных категориях. Такие авторы, как Р. Туровский, В. Гельман, Г. Голосов, К. Росс, Г. Хейл, Н. Мелвин [Туровский 2013; Gel'man and Ryzhenkov 2011; Гельман 2012; Golosov 1997, 2011a, 2013; Ross 2011a, b; Hale 2005; Кузьмин 2002], непосредственно занимаются исследованием власти в регионах России и приходят в работах к выводам,

что к середине 1990-х гг. региональные политические режимы сформировались и носили преимущественно авторитарный характер. Г. Хейл утверждает, что процесс построения новой экономической и политической системы в 1990-е гг. характеризовался слабой центральной властью, что дало возможность укрепиться позициям региональных лидеров за счет установления контроля над ресурсами и выстраивания клиентелистских отношений внутри региона. Широкий объем полномочий в отношении распределения денежных средств, контроль над бизнесом и банковским сектором позволили многим губернаторам сделать свою власть прочной, а влияние значительным. Наличие налаженных контактов с налоговыми органами, прокуратурой, полицией и судами увеличивало административный ресурс губернатора [Hale 2003: 229].

Среди основных факторов, которые способствовали установлению авторитарных принципов управления, В. Гельман выделяет «советское наследие» и «характер перехода» [Баранов 2012: 63] – в частности, аграрную специализацию региона и низкую автономию акторов. Г. Хейл отмечает другой фактор и говорит, что «авторитаризм особенно глубоко укоренился в этнических республиках, где «избирательные машины» были способны обеспечить успех на выборах для своих клиентов» [Golosov 2011b: 626].

Других критериев авторитарности режимов придерживается Келли Макман, которая в качестве основных показателей недемократических принципов управления на местном уровне берет отсутствие «возможности получения дохода, не состоя в системе местной власти» [Sidel 2014: 165]. В итоге, если бизнес не может вести экономическую деятельность, не испытывая давления со стороны власти, которая устанавливает контроль над экономикой и не допускает в регион «чужих», то речь идет об авторитарном режиме

Ф. Хансон в своем исследовании уже на примере российских регионов обращает внимание на экономические реформы начала 1990-х и устанавливает, что благополучие региона зависело от степени открытости региональных экономик и способности привлекать иностранный капитал [Hanson 1997]. В результате промышленные и сельскохозяйственные регионы не получили особых преимуществ от рыночных реформ и не улучшили свое экономическое положение. Таким образом, фактор сельскохозяйственности и этнический характер региона являются ключевыми в исследованиях причин авторитарности российских региональных режимов. Однако экономическая составляющая (и в особенности характер бизнеса в регионе) мало изучена на российском примере. Данное исследование направлено на установление взаимосвязи политического режима в регионе и бизнес-структуры, которая начала меняться в конце 1990-х гг. под влиянием нового закона № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Законодательные возможности крупного бизнеса: федеральные законы «О банкротствах» и «Об акционерных обществах»

Внедрение принципа так называемой «равноудаленности олигархов» от федеральных властей и одновременное ослабление региональных элит как в экономическом, так и в политическом плане [Зубаревич 2002] создали условия для встраивания крупного бизнеса в региональную структуру в начале 2000-х гг. К середине 1990-х гг. крупный бизнес был представлен преимущественно интегрированными бизнес-группами (ИБГ), которые являлись наиболее влиятельными экономическими акторами и выступали в качестве основной поддержки федеральных властей. Однако кризисные события 1998 г. в России привели к изменениям не только на макроэкономическом уровне, но и затронули изменение прав собственности бизнес-групп. Внутренняя борьба между «старыми» и «новыми» региональными бизнес-группами, увеличившаяся напряженность в отношениях «московских» интегрированных бизнес-групп и властей субъектов РФ, «радикальная смена правительства (впервые за пореформенный период в его состав вошли представители КПРФ)» [Яковлев 2005. 37] – все это привело к кризису: как политического курса, определяющего взаимоотношения власти и бизнеса, так и экономических стратегий крупных компаний. В связи с этим большая ориентация на регионы и «захват» местных предприятий стали основными тенденциями в пространственном развитии крупного бизнеса.

Одним из способов закрепления бизнеса в регионах стал «внешний» рост через процедуры поглощения местных предприятий. Экономический подъем после кризиса 1998 г. сопровождался небольшим ростом цен на нефть, а также обеспечил укрепление российского экспорта и сделал привлекательными определенные отрасли производства [Пчелинцев 2001]. В то же время экспансия крупного бизнеса (преимущественно московского) в регионы, которая как будто была в первую очередь задана указанными экономическими предпосылками, в действительности в основе своей имела внедрение в правоприменительную практику вполне определенного механизма, позволявшего перехватывать управление и собственность предприятий через ФЗ «О банкротстве» 1998 г. и «Об акционерных обществах» 1995 г. Вслед за принятием этих законов и на фоне благоприятствующей такому развитию экономической конъюнктуры в регионах «началось масштабное применение технологий российских враждебных поглощений, которые использовали пробелы в законодательстве, регулирующем деятельность юридических лиц, и коррумпированность административного аппарата» [Радыгин 2009]. В большинстве случаев поглощаемые предприятия составляли ядро российской экономики или имели потенциал развития в сфере экспорта нефте- и газодобычи; в горно-перерабатывающей области и в легкой промышленности [Volkov 2004: 529]. Как указывает

председатель Арбитражного суда г. Москвы О. Свириденко, наиболее характерной особенностью этого процесса стало использование процедуры «заказных банкротств» в отношении крупных и стратегически важных региональных предприятий [Федоров 2010: 20].

Действительно, Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» считают важнейшим инструментом экспансии крупного бизнеса в регионы и другие авторы [Радыгин 2009]. Ультралиберальный (по мнению В. Волкова [Volkov 2004: 527]) закон предоставил возможность вновь перераспределить активы, уже оказавшиеся в частной собственности в ходе предыдущих этапов приватизации. Процедура «враждебного поглощения» стала одной из популярных форм взаимодействия между предприятиями в 1999–2001 гг. [Федоров 2013: 10].

До 1998 г. механизм банкротства был осложнен, во-первых, самим качеством закона, в основе которого лежал принцип неоплатности, ограничивавший права кредиторов в связи со сложной процедурой оценки имущества судами и, соответственно, зачастую оборачивавшийся затягиванием вынесения решений о несостоятельности должника [Радыгин 2005: 47]; и, во-вторых, неформальными связями, которые складывались между директорами предприятий и региональными органами власти и которые в дальнейшем использовались для блокирования изменений как в системе регионального управления, так и в структуре собственности на предприятиях. Новый закон 1998 г., в свою очередь, встал на защиту кредиторов и их прав. Это дало возможность останавливать в юридическом порядке деятельность фиктивных или уже не функционирующих предприятий. Это также дало возможность налоговым органам добиваться банкротства должников. Однако наряду с этими необходимыми и полезными изменениями процедура банкротства, часто искусственно инициируемая, применялась и для смены руководящего состава предприятия или собственника [Радыгин 2009]. Прежде всего это стало возможным из-за снижения барьера по инициированию процедуры банкротства [Радыгин, Симачев 2005: 48] и благодаря внедрению достаточно простой схемы по смене руководства, которая являлась базовой и необходимой для решения задач инициатора банкротства [Федоров 2010: 9]. Кроме того, по мнению С. Степанова [Степанов 2006], особенностью российского случая являлась проблема, связанная не столько с сущностным содержанием законов, сколько с их исполнением, где высока коррупционная составляющая («сговор арбитражного управляющего с кредиторами, арбитражными судьями и чиновниками ФССО» [Алевалова, Радыгин 2009: 96] и т. д.)

О масштабах применения закона говорят данные Федеральных арбитражных судов РФ: в 1998 г. в соответствующие инстанции поступило 12 781 заявление о признании должников банкротами, в 1999 г. это число составило

15 583 заявления, начиная с 2000 г. их количество выросло с 24 874 до 55 934 в 2001 г. и достигло максимума в 106 647 заявлений в 2002 г. Из всех дел, принятых к производству, в 82% случаев предприятия были признаны несостоятельными. Кроме того, согласно данным ФСФО, треть всех банкротств в России можно было классифицировать как «заказные», так как кредиторы были заинтересованы в смене собственника, а не в возвращении долгов, что говорит об умышленном инициировании процедур банкротства [Бегаяева 2010: 83]. Например, в 2002 г. из 1870 поглощений 76% относились к враждебным [Федоров 2013: 21].

Схема «недружественных поглощений» состояла из определенных последовательных этапов. Вначале компания-инициатор выбирала предприятие, контроль над которым хотела получить. Происходил сбор информации о деятельности компании, ее партнерах; разрабатывался план захвата предприятия. Тут необходима была поддержка государственных институтов: судов, силовых структур, региональных администраций, которые обеспечивали физическое или административное принуждение, так как смена руководящего состава, а в конечном результате и банкротство, зачастую была насильственной. Компания-инициатор устанавливала связи с поглощаемой компанией, используя различные технологии (часто это была просто скупка долгов). Затем в суде инициировалась процедура банкротства, и в ходе разбирательства, используя административный ресурс, выносилось необходимое судебное решение, согласно которому назначался внешний управляющий из числа кредиторов. Вместо налаживания деятельности предприятия он занимался перераспределением активов и финансовых потоков, тем самым поглощая компанию под цели кредиторов. Конечный этап состоял в достижении договоренностей с местными или региональными властями о новых правилах игры [Volkov 2004].

Таким образом, ФЗ «О банкротстве» 1998 г. на протяжении всего периода действия, до 2002 г., по мнению А. Радыгина, «использовался либо как способ перераспределения (захвата, удержания, приватизации) собственности, либо как высокоселективный метод политического и экономического давления на предприятия со стороны государства» [Радыгин, Симачев 2005: 43]. Применение технологий недружественных поглощений увеличило экспансию крупного бизнеса в российские регионы и затронуло внутреннюю структуру отношений. Заметим, впрочем, что тут крупный бизнес часто сталкивался с барьерами в виде устоявшихся связей между губернаторами, представителями регионального бизнеса и подразделениями Арбитражного суда, которые противостояли банкротству региональных предприятий и препятствовали приходу в регион нового экономического игрока [Журавская, Сонин 2004].

Вторая схема заключалась в применении № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» от 26.12.1995. Согласно данному закону «акционеры были вправе отчуждать принадлежащие им акции без согласия других акционеров и общества» [Бургачева 2009], что являлось одним из способов поглощения предприятия за счет скупки акций у их держателей. Недружественное поглощение происходило по схожей схеме. Компания-поглотитель выбирала акционерное общество, которое хотела поставить под собственный контроль. Далее инициатор устанавливал связи с поглощаемым обществом, чтобы иметь возможность договориться о реорганизации мирным путем. Если договоренности не были достигнуты, то использовались определенные методы воздействия в зависимости от размера пакета акций, которым завладела компания-поглотитель. Сначала происходило внедрение «своего лица» в исполнительный орган общества, затем компания-поглотитель, обладая уже не менее 10% пакета акций, могла созывать собрания акционеров и продвигать свои интересы, добиваясь установления контроля над активами предприятия [Бургачева 2009]. Получалось, что акционер общества обладает широким объемом прав [Федоров 2010: 94–97], который предоставляет возможность участвовать в управлении предприятием. Применение корпоративного шантажа и последующее поглощение общества за счет установления контроля над активами осуществлялись как раз с помощью манипуляций данными правами [Федоров 2010: 97].

Таким образом, процедура банкротств и установление контроля над активами акционерных обществ были наиболее распространенными способами осуществления недружественных поглощений в конце 1990-х. Юридические несовершенства в совокупности с неформальными связями и административным ресурсом давали полный набор средств воздействия на региональные предприятия и установления контроля над ними. В итоге недружественные поглощения значительно изменили управленческий состав предприятий и перераспределили собственность и активы на них.

Источники и характеристики данных

Главной задачей нашего исследования является изучение влияния экспансии крупного бизнеса на политический режим в регионе. Основной характеристикой существующих режимов был моноцентризм глав регионов, который проявлялся в сосредоточении контроля над региональными политическими игроками. Существовала внутрорегиональная связь между акторами, которая под воздействием со стороны новых деятельных игроков (например, приходящих в регион московских бизнес-групп) могла разрушиться. Поэтому особое значение в процессе экспансии играл губернатор, пытавшийся сохранить «закрытый» характер региона и устоявшиеся бизнес-связи [Федоров

2010: 91]. Исходя из вышесказанного мы предполагаем, во-первых, что экспансия действительно оказала влияние на политическую структуру в регионах и за счет изменения/снижения межакторных связей повысила степень демократичности. Во-вторых, поскольку многие региональные режимы оставались губернатороцентричными, то интересно будет посмотреть на положение глав регионов после прихода крупного бизнеса, изучить вероятность их смещения после включения в региональную структуру нового игрока.

Исследование проводилось на примере 82 регионов России в период 1998–2002 гг. Взятый временной отрезок позволяет посмотреть на важный этап: экспансию крупного бизнеса в регионы, который стал возможен из-за введенного в 1998 г. Федерального закона от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (утратил силу в 2002 г.). Система «недружественных поглощений» оказала влияние на отношения между региональной властью и местным бизнесом, которые часто были основой формирования «закрытых» регионов и осуществления недемократических принципов управления. Право бизнеса заниматься предпринимательской деятельностью и переизбрание губернатора на новый срок оказались под угрозой [Зубаревич 2005].

Изучение различных стратегий поведения акторов [Яковлев 2005: 37], которые начали складываться в связи с экспансией крупного бизнеса в регионы, изучение региональных бизнес-структур, сформировавшихся на конец 1990-х гг., и политических режимов дало основу предположить, что:

- чем большей была экспансия «федерального» бизнеса в регион, тем более демократический режим в нем в итоге устанавливался (и наоборот: если в данный регион бизнес по каким-то причинам не приходил, то в нем сохранялся авторитарный внутрирегиональный политический режим);
- чем более экономически «открытым» (конкурентным) являлся регион, тем более демократическим был его политический режим (и наоборот, в экономически более «закрытых» регионах устанавливались более авторитарные внутрирегиональные политические режимы);
- чем большей экспансии «федерального» бизнеса был подвержен данный регион, тем выше были шансы того, что глава региона сменялся в период 1998–2002 гг.

Первая зависимая переменная «Степень демократичности политического режима» была взята согласно рейтингу демократичности регионов Московского центра Карнеги за 1999–2003 гг. [Петров, Титков 2013: 25–28]. Основу оценки составило экспертное мнение по десяти региональным характеристикам: политическое устройство, открытость/закрытость политической жизни, демократичность выборов, политический плюрализм, независимость СМИ, коррупция, экономическая либерализация, гражданское общество, элиты,

местное самоуправление. Эксперты ранжировали каждый признак в соответствии с его значением от 1 балла (минимально отвечающий понятию «демократичный») до 5 (максимально отвечающий понятию «демократичный»). Итоговая оценка соответствовала суммарному количеству баллов по десяти характеристикам.

Вторая зависимая переменная «Сменяемость губернатора» демонстрирует факт смены губернатора в период 1998–2002 гг. Подобное значение необходимо, чтобы проследить общерегиональную динамику сменяемости губернаторов в период экспансии бизнеса в регионы. Переменная принимает значения: 0 – губернатор не сменился; 1 – глава региона поменялся.

Независимая переменная «Открытость» регионов для бизнеса определялась данными Р. Ортунга, поделившего регионы по характеру и степени участия в них бизнеса на пять групп: плюральные (*plural*), регионы с основным доминирующим предприятием (*one dominant company*), регионы с преобладанием государственной собственности (*state ownership*), регионы с внешним влиянием (*foreign influence*) и «заброшенные» (*neglected*) регионы [Orttung 2004: 52–54]. В нашем случае был интересен аспект оценки, касающийся «открытости» и «закрытости» регионов. Характеристика позволила разделить на необходимые категории: «открытые», допускающие появление нового экономического игрока (сюда относятся регионы «заброшенные», «плюральные» и «с внешним влиянием»), и «закрытые», препятствующие появлению в регионе экономических акторов (соответственно, регионы с преобладанием государственной собственности или с основным доминирующим предприятием). В ходе преобразования данных мы создали номинальную переменную «Открытость», где значение 1 получили регионы открытые, 0 – закрытые.

Независимая переменная «Экспансия» показывает факт входа бизнеса в регионы, представленного 12 крупными «интегрированными бизнес-группами» и изученного Н. Зубаревич [Зубаревич 2005: 102–109]. Автор выделяет регионы экспансии, начиная с конца 1990-х гг. Привлекательные для бизнеса регионы различались по специализации, однако являлись потенциально прибыльными и необходимыми для выстраивания оптимальной структуры бизнеса. Существовали регионы, где за период 1998–2002 гг. бизнес-группы увеличили свое присутствие в несколько раз, но были и те, где появилась лишь одна из двенадцати ИБГ. Соответственно, переменная «Экспансия» принимает значение 0, если ни одна бизнес-группа не пришла в регион, и 1 – если хотя бы одной ИБГ удалось встроиться в региональную структуру.

В качестве дополнительной переменной, показывающей изначальное расположение крупного бизнеса в регионах до 1998 г., выступает «Базирование» (1 – в регионе уже базируется крупное предприятие; 0 – крупные ИБГ

в регионе отсутствуют). Присутствие бизнес-групп в регионах такого типа оформилось еще к середине 1990-х гг., поэтому «позиции акторов четко определены и разграничены» [Зубаревич 2005: 36]. Изучение влияния данного фактора могло бы подсказать о наличии связи между сильными экономическими связями и политической обстановкой в регионе.

Перед нами также стояла задача очертить тот региональный политический «фон», на котором разворачивались события конца 1990-х – начала 2000-х гг.: насколько демократичным был регион, в который осуществлялся (или не осуществлялся) вход новых экономических игроков изначально, еще до описываемых нами событий? Оптимальным здесь было бы использование более ранних показателей индекса Петрова–Титкова, однако в указанный период (до 1998 г.) соответствующей оценки ими не производилось. В связи с этим в качестве приближенной контрольной переменной мы используем переменную голосования за партии и избирательные блоки, о которых из имеющейся литературы известно, что зачастую их поддержка в регионах формировалась региональными губернаторскими политическими машинами. Исходя из той логики, что успешное функционирование губернаторской политической машины является показателем более низкой политической конкуренции на уровне региона (коль скоро в регионе отсутствуют политические силы, способные эффективно противостоять сбору голосов в пользу предпочтительной для губернатора партии), мы считаем, что регионы, где соответствующие партии получали на соответствующих выборах больший процент голосов, были менее демократичными. В качестве соответствующих партий и блоков нами взяты Коммунистическая партия Российской Федерации на выборах 1995 г. (когда целый ряд губернаторов использовал свои политические машины для того, чтобы принести голоса «оппозиции») и суммарный процент голосов за партию «Единство» и блок «Отечество – Вся Россия» (ОВР) на выборах 1999 г. (когда опять же существенную долю поддержки эти партии получили благодаря работе губернаторов, встроивших в соответствующие федеральные политические машины свои собственные региональные).

Проверка гипотез и интерпретация анализа данных

Для проверки гипотез и анализа данных были использованы методы множественной линейной и логистической регрессии. Результаты регрессионного анализа переменных представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1. Зависимая переменная – степень демократичности регионального политического режима (индекс Петрова–Титкова)

	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Переменные	Стандартизированные бета-коэффициенты			
Экспансия крупного бизнеса в регион	3,605**	3,710*	3,542**	3,320**
Открытость/ закрытость региона	3,354**	0,921	1,206	-
Голоса за КПРФ, 1995 г.	-	-,296**	-,313**	-,326**
Голоса за «Единство» и ОВР, 1999 г.	-	-,276**	-,296**	-,319**
Базирование крупного бизнеса до 1998 г.	3,878**	1,915	-	-

Примечание: * – значимость на 0,05 уровне, ** – значимость на 0,01 уровне.

Модели первой табл. 1, где в качестве зависимой переменной выступает степень демократичности политического режима, показывают положительную зависимость между экспансией крупного бизнеса в регион и режимом. Появление крупного бизнеса увеличивало степень его демократичности. Вероятно, новый экономический игрок, встраиваясь в регион, подвергал изменениям существующие структуры взаимодействия, которые становились более открытыми и способными к диалогу и компромиссам.

Следующая переменная, определяющая характер бизнес-среды по шкале Р. Ортунга, не оказала существенного влияния на уровень демократичности, как и изначальное базирование бизнеса. Однако политические предпочтения региона имели самое большое воздействие на региональный политический режим. Согласно Г. Голосову [Golosov 2014], полученные высокие проценты за КПРФ на выборах 1995 г., а затем за партию «Единство» или ОВР на выборах 1999 г. являются признаком того, что губернатор контролирует регион и имеет сильную «политическую машину», которая работает на него и приносит голоса одной из партий по его заказу. Соответственно, результаты регрессионного анализа показывают, что чем больше процент за партию (КПРФ 1995 г., «Единство», ОВР 1999 г.), тем менее демократичным был режим, установившийся в данном регионе в 1998–2002 гг. Важно то, что переменная «входа» федерального бизнеса в данный регион здесь не теряет значимости.

Таблица 2. Зависимая переменная – сменяемость губернатора

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Переменные	Стандартизированные бета-коэффициенты		
Экспансия крупного бизнеса в регион	-1,526*	-1,581*	-1,746**
Открытость/закрытость региона	,072	.	.
Голоса за КПРФ, 1995 г.	-,016	-,018	.
Голоса за «Единство» и ОВР, 1999 г.	,044	,041	.
Базирование крупного бизнеса до 1998 г.	,319	.	.

Примечание: * – значимость на 0,05 уровне, ** – значимость на 0,01 уровне.

Модели второй табл. 2 были построены, чтобы определить, что повлияло на смену губернатора в период 1998–2002 г. Основная гипотеза состояла в существовании зависимости между экспансией крупного бизнеса в регион и сменой главы соответствующего субъекта. Результаты логистического анализа показывают, что, действительно, включение бизнес-групп в регион повышало вероятность смены губернатора, что подтверждает нашу гипотезу. Остальные переменные, используемые здесь как контрольные, оказались незначимыми и на сохранение своего поста губернатором не влияли.

Таким образом, наше предположение о влиянии экспансии «федерального» бизнеса в регионы на их политические режимы подтвердилось: появление крупного бизнеса в регионах повысило демократичность режимов, «вскрывая» установившиеся взаимосвязи между региональными политическими и экономическими элитами, разрушая существующие неформальные договоренности и повышая политический плюрализм.

Кроме того, в связи с изменением «баланса сил» в регионах была выявлена зависимость между экспансией крупного бизнеса и положением губернаторов, главным показателем «политической выживаемости» которых является способность к переизбранию. Встраивание крупного бизнеса в региональную структуру понизило способность глав регионов к удержанию власти. С большой долей вероятности, новый экономический игрок трансформировал региональные структуры взаимодействия, местные акторы стали более открытыми, а новые правила игры более понятными.

Заключение

Взаимоотношения между властью и бизнесом в российских регионах претерпели в 1998–2002 гг. определенные трансформации: после того как фокус внимания крупных бизнес-групп федерального уровня сместился в сторону регионов, началась широкая экспансия крупного бизнеса, представленного интегральными бизнес-группами. Экономические события 1998 г. и политические события 2000-х гг. предопределили потребность экспансии в регионы, однако выбор такой экспансии зависел от внутренней логики бизнеса, а не от политических предпочтений (что, впрочем, не отменяет того факта, что в определенной степени именно централизация начала 2000-х гг. способствовала снижению региональных входных барьеров для бизнеса) [Зубаревич 2014]. Стратегии экспансии бизнеса были различны, и многие изменили не только бизнес-структуру регионов, но и повлияли в той или иной степени на политическую обстановку и определили расстановку сил между губернаторами и местным бизнесом, чьи отношения сложились еще в середине 1990-х гг.

Изучение факторов, влияющих на степень демократичности российских регионов в 1998–2002 гг. показало, что экспансия крупного бизнеса в регионы, ставшая возможной благодаря широко распространенной процедуре банкротств, повлияла на региональные политические режимы, сделав их более демократичными. Кроме того, включение крупного бизнеса в региональную структуру оказалось значимым для положения губернаторов, понизив их шансы на переизбрание. Однако региональные политические режимы, сохранившие «политические машины», по-прежнему продолжали существовать в качестве менее демократических и способных оказать прямое воздействие на политические предпочтения граждан.

Литература

Алевалова Е., Радыгин А. 2009. Банкротства в двухтысячные годы: от инструмента рейдеров к политике «двойного стандарта». – *Экономическая политика*. № 4. С. 96.

Баранов А.В. 2012. Региональные политические режимы России в системе властных отношений: проблемы типологии. – *Человек. Сообщество. Управление*. № 4.

Бегеева А.А. 2010. *Корпоративные слияния и поглощения: проблемы и перспективы правового регулирования* / отв. ред. Н.И. Михайлов. М.: Инфотропик Медиа.

Бургачева Ю. 2009. Способы недружественных поглощений акционерных обществ в современной России. – *Право и жизнь*. № 4.

Гайворонский Ю.О. 2015. Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения. – *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. № 2.

- Гельман В.Я. 2012. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России. – *Полития*. № 4. С. 65–88.
- Журавская Е., Сонин К. 2004. Экономика и политика российских банкротств. – *Вопросы экономики*. № 4.
- Зубаревич Н.В. 2002. Пришел, увидел, победил? (Крупный бизнес и региональная власть). – *Pro et Contra*. Т. 7. № 1. С. 107–119.
- Зубаревич Н.В. 2005. *Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Аналитический доклад / Независимый институт социальной политики*. М.: Поматур.
- Зубаревич Н.В. 2014. Лекция В. *Крупный бизнес в регионах России*. URL: <http://www.myshared.ru/slide/760396/>.
- Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. 2002. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации. – *Полис*. № 3.
- Петров Н., Титков. А. 2013. Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю. – *Московский центр Карнеги*.
- Пчелинцев О.С. 2001. Российский экономический рост 1999–2000 гг. в региональном и глобальном контекстах. – *Проблемы прогнозирования*. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/Pp/2001/2001-04pchelintcev/2001-04pchelintcev000.htm>.
- Радыгин А. 2009. Российский рынок слияний и поглощений: этапы, особенности, перспективы. – *Вопросы экономики*. № 10. С. 23–45. URL: http://www.iep.ru/files/persona/radygin/Voprosi_economiki_10_09.pdf.
- Радыгин А. Симачев Ю. 2005. Институт банкротства в России: особенности эволюции, проблемы и перспективы. – *Российский журнал менеджмента*. Т. 3. № 2.
- Степанов С. 2006. Особенности российских недружественных поглощений. – *Рынок ценных бумаг*. № 15.
- Туровский Р.Ф. 2013. Региональные политические режимы в современной России: сравнительный анализ. – *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. № 1. С. 73–82.
- Федоров А.Ю. 2010. *Рейдерство и корпоративный шантаж (организационно-правовые меры противодействия)*. М.: Волперс Клувер.
- Федоров А.Ю. 2013. *Методика противодействия рейдерству: Практические рекомендации*. М.: Библиотека «Российской газеты».
- Яковлев А.А. 2005. Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике. – *Российский журнал менеджмента*. Т. 3. № 1.
- Berkowitz, Daniel, and David N. DeJong. 2001. "The Evolution of Market Integration in Russia". – *Economics of Transition*. 9 (1): 87–104. doi:10.1111/1468-0351.00068.

Gel'man, Vladimir, and Sergei Ryzhenkov. 2011. "Local Regimes, Sub-National Governance and the 'Power Vertical' in Contemporary Russia". – *Europe-Asia Studies*. 63 (3): 449–465. doi:10.1080/09668136.2011.557538.

Gluschenko, Konstantin. 2003. "Market Integration in Russia during the Transformation Years". – *Economics of Transition* 11 (3): 411–434.

Gluschenko, Konstantin. 2006. "Russia's Common Market Takes Shape: Price Convergence and Market Integration among Russian Regions". 7/2006. BOFIT Discussion Papers. Helsinki: Bank of Finland. URL: <https://helda.helsinki.fi/bof/handle/123456789/8200>

Golosov, Grigorii V. 1997. "Russian Political Parties and the 'Bosses': Evidence from the 1994 Provincial Elections in Western Siberia". – *Party Politics*. 3 (1): 5–21.

Golosov, Grigorii V. 2011a. "Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated". – *Europe-Asia Studies*. 63 (3): 397–414.

Golosov, Grigorii V. 2011b. "The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia". – *Europe-Asia Studies*. 63 (4): 623–639. doi:10.1080/09668136.2011.566427.

Golosov, Grigorii. 2013. "Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies". – *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 21 (4): 459–480.

Golosov, Grigorii V. 2014. "The Territorial Genealogies of Russia's Political Parties and the Transferability of Political Machines". – *Post-Soviet Affairs*, no. ahead-of-print: 1–17.

Hale, Henry E. 2003. "Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy". – *Post-Soviet Affairs*. 19 (3): 228–263.

Hale, Henry E. 2005. "Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia". – *World Politics* 58 (01): 133–165. doi:10.1353/wp.2006.0019.

Hanson, Philip. 1997. "How Many Russias? Russia's Regions and Their Adjustment to Economic Change" – *The International Spectator*. 32 (1): 39–52.

Orttung, Robert W. 2004. "Business and Politics in the Russian Regions". – *Problems of Post-Communism*. 51 (2): 48–60.

Ross, Cameron. 2011a. "Regional Elections and Electoral Authoritarianism in Russia". – *Europe-Asia Studies*. 63 (4): 641–661.

Ross, Cameron. 2011b. "The Rise and Fall of Political Parties in Russia's Regional Assemblies". – *Europe-Asia Studies*. 63 (3): 429–448.

Sidel, John T. 2014. "Economic Foundations of Subnational Authoritarianism: Insights and Evidence from Qualitative and Quantitative Research". – *Democratization*. 21 (1): 161–184. doi:10.1080/13510347.2012.725725.

Volkov, Vadim. 2004. "Hostile Enterprise Takeovers: Russia's Economy in 1998–2002". – *Review of Central & East European Law*. 29 (4): 527–548. doi:10.1163/1573035042523668.